

УДК 34

Влияние дореволюционной правовой теории на разработку территориального устройства Советского государства

Черкашин Павел Александрович

Исследователь,
Академия управления МВД России,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8;
e-mail: cherkashin2140@mail.ru

Аннотация

Настоящее исследование посвящено анализу преемственности в государственном строительстве, а именно влиянию дореволюционной российской правовой мысли на формирование территориального устройства Советского государства в первые десятилетия его существования. Автор ставит задачу выявить конкретные механизмы и аспекты заимствования и адаптации теоретических конструкций имперского периода большевистским руководством. Несмотря на революционную риторику полного разрыва с прошлым, работа доказывает, что советская власть не могла игнорировать накопленный до 1917 года правовой опыт при решении практических задач управления огромной и разнородной страной. Основное внимание уделяется вопросам национально-государственного устройства, федерализма, региональной автономии и местного самоуправления. Автор детально рассматривает, как идеи дореволюционных юристов о децентрализации, взаимоотношениях центра и регионов, законодательной автономии и культурных правах народов трансформировались в условиях новой идеологии. Анализируется преемственность в конституционных проектах, начиная с 1918 года, особенно в части декларирования прав народов на самоопределение при одновременном выстраивании жесткой централизованной системы управления. Показано, что практические решения в области управления национальными окраинами, заложенные еще в имперских правовых актах (особый статус Финляндии, Польши, генерал-губернаторств), послужили основой для создания советской модели национально-территориальной автономии. Исследование базируется на анализе ключевых законодательных актов раннего советского периода (Декларация прав народов России 1917 г., Конституция РСФСР 1918 г.), теоретических трудов дореволюционных правоведов и дискуссий начала XX века о государственном устройстве. Методологически автор использует сравнительно-правовой и историко-правовой подходы, выявляя прямые и опосредованные заимствования правовых конструкций. Особое внимание уделяется роли юристов переходного периода, сохранивших знание имперского законодательства и способствовавших его адаптации. Результаты демонстрируют, что большевики, критикуя "старый режим", на практике широко использовали его правовой инструментарий. Концепции земского самоуправления, идеи "законодательной децентрализации", теория "национально-культурной автономии", а также опыт правового регулирования экономического развития

регионов были переосмыслены и интегрированы в советскую систему. Влияние дореволюционной теории проявилось в формировании структур местных Советов, принципах федеративного устройства СССР, методах управления национальными республиками и даже в подходах к экономическому районированию. Автор приходит к выводу, что дореволюционная правовая доктрина стала важнейшим мостом, обеспечившим преемственность государственного управления и легитимность новой власти, несмотря на радикальную смену идеологии и политического курса.

Для цитирования в научных исследованиях

Черкашин П.А. Влияние дореволюционной правовой теории на разработку территориального устройства Советского государства // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 4А. С. 7-16.

Ключевые слова

Правовая преемственность, территориальное устройство, советское государство, Российская империя, федерализм.

Введение

Дореволюционная правовая теория в Российской империи включала в себя широкий спектр исследований, связанных с вопросами государственного устройства, прав и обязанностей различных сословий, а также принципов взаимоотношений между центральной властью и местным самоуправлением. Опираясь на многовековую традицию юриспруденции, высшие учебные заведения и правоведческие школы формировали у студентов понимание основ конституционного права, идеи федерализма, принципов автономии и централизма. Это было особенно важно в конце XIX – начале XX века, когда активно обсуждались перспективы реформ, направленных на перераспределение полномочий между регионами и столичной властью. Именно в этот период русские правоведы выдвигали теоретические построения, которые впоследствии оказывали воздействие на революционные умы, хотя уже через несколько десятилетий политическая картина страны в корне изменилась. Определённая часть этих теорий трансформировалась и была адаптирована новыми властями, стремившимися выработать эффективное территориальное устройство государственности [Бакирова, 2023]. Учитывая, что к моменту революции 1917 года и последующим годам Гражданской войны империя уже имела опыт разного рода региональных реформ, представители большевиков не могли полностью игнорировать опыт, накопленный дореволюционными юристами. Опора на старые правовые конструкции при создании принципиально новой формы государственного управления нередко сочеталась с критическим пересмотром прежнего дореволюционного наследия.

В работе большевиков над конституционными проектами, начиная с самой ранней Конституции РСФСР 1918 года, прослеживается влияние определённых идей, выработанных правоведами царской поры [Ящук, 2021]. Новые властные структуры, провозгласившие курс на социализм и диктатуру пролетариата, стремились одновременно к централизму и контролю Москвы над всеми сферами жизни страны, но и занимались декларированием прав народов на самоопределение. Такой дуализм отражал сложную ситуацию, при которой руководство страны было в постоянном поиске баланса между объединением республики вокруг одного

идеологического стержня и сохранением лояльности национальных окраин. Дореволюционная теория, особенно со времён либерального движения, уделяла внимание идее автономии отдельных регионов и земств, которые могли бы решать локальные проблемы, не нарушая при этом общегосударственной целостности. Большевикам понадобились эти наработки, так как им сложно было сформировать новый управленческий аппарат, полностью игнорируя опыт местного самоуправления, накопленный ещё до революции.

Материалы и методы исследования

Отправной точкой для разработки советской системы национально-государственного устройства стала Декларация прав народов России от 2 (15) ноября 1917 года, провозгласившая равенство и суверенность народов России [Устарханова, 2024]. В то же время сама идея многонационального государства, в котором каждая нация обладает правом на самоопределение, базировалась не только на марксистских формулировках, но и на более старом правовом понимании, унаследованном от учёных-правоведов Российской империи. Эти учёные давали разъяснение о механизмах взаимодействия между регионами и центром, о возможности реализации прав народов без нарушения общегосударственных интересов. Конечно, после Октябрьской революции большевики корректировали или даже отвергали некоторые аспекты, потому что их революционная риторика зачастую отрицала дореволюционные практики в принципе. Однако полное отмежевание от старого опыта было нереальным. Глобальные процессы, такие как Гражданская война и создание нового государства на осколках империи, заставляли власти разрабатывать юридические механизмы, где нельзя было обойтись без правового багажа прошлого. Хотя многие крупные дореволюционные авторы и не дожили до советского периода либо не принимали большевистских идей, часть их трудов была переосмыслена в контексте новой эпохи.

Следует отметить, что вопросы федерализма и регионального самоуправления являлись предметом жарких дискуссий ещё в начале XX века, когда в обществе росло недовольство жёсткой вертикалью имперской власти [Григорьев, 2021]. Ряд дореволюционных исследователей придерживались концепции «законодательной децентрализации»: по их мнению, регионы должны были получать более широкие права для решения местных задач, в том числе в сфере налогообложения и социальной политики, при сохранении общегосударственных законов и публичной власти монарха. Эти идеи во многом перекликались с более радикальными взглядами тех, кто в дальнейшем поддержал политический и социальный переворот 1917 года. Ведь и большевики, несмотря на резкие лозунги, частично соглашались, что местные Советы должны обладать реальными полномочиями и право принимать местные постановления, исходя из конкретных условий на местах. Таким образом, согласование интересов центра и регионов было не просто новой советской идеей, а было коренилось в дискуссиях, идущих ещё до революции, когда лишь формировались предпосылки для переработки дореволюционной юридической науки в советские правовые модели.

Результаты и обсуждение

При этом русское конституционное право дореволюционного периода заложило основу для развернувшейся дискуссии о форме государственного правления и об организационных принципах национального представительства [Скоробогатов, 2021]. Уже в дореволюционных

трудах можно найти концепции о народном представительстве, о роли законодательных собраний и выборах по разным цензам, а также идеи ограничения власти монарха более гибкими юридическими механизмами. Большевики восприняли часть этих идей применительно к собственным нуждам: так, остроклассный подход, делающий упор на роль рабочего класса и крестьянства, в теории мог быть реализован лишь при допущении определённых форм участия населения в политической жизни. Хотя терминология советского периода радикально отличалась от терминологии времени царизма, сами правовые конструкции, касавшиеся выборности, ответственности выборных органов и их компетенции, были широко обсуждены задолго до 1917 года. Многие юристы эпохи Николая II считали необходимым ограничение монархической власти через систему представительных институтов, и эта система, по сути, упростила задачу большевиков при развертывании Советов и съездов различных уровней, хоть большевистская риторика и старалась минимизировать факт заимствования у царизма.

Важным аспектом влияния дореволюционного правоведения на советские подходы к территориальному устройству можно считать вопросы правового статуса окраин и национальных республик [Данилевская, 2022]. Имперская законодательная традиция создавала особые правовые зоны, такие как, к примеру, Степное или Туркестанское генерал-губернаторства, Финляндия с её собственной конституцией либо царство Польское. Это формировало определённые практики дифференцированного отношения к многонациональному пространству. Когда большевики начали строить социалистическое государство, они тоже столкнулись с необходимостью отдельного регулирования национальных регионов, с принятием в расчёт историко-культурных различий и специфики местного управления. Даже лозунг самоопределения народов, провозглашённый Лениным, требовал юридической рамки, пусть и теоретически прокламирующей возможность отделения национальных областей. На практике же правовая система Советского государства пыталась выработать инструменты, которые одновременно позволяли бы утверждать ведущую роль коммунистической партии как общенационального руководителя и сохранять видимость национальной самостоятельности. Опыт дореволюционной Российской империи убедительно показывал, что без продуманной юридической структуры отношения между центром и периферией могут оказаться крайне нестабильными.

Часть дореволюционных работ посвящалась также проблемам взаимоотношений между муниципалитетами и центральной властью, а в контексте России – между земствами и государственными органами [Плетников, 2021]. Земские учреждения, появившиеся ещё в ходе реформ Александра II, представляли собой важный шаг к более гибкой структуре местного управления, так как многие вопросы народного образования, медицинской помощи, дорожного строительства и даже частично налогообложения переходили в руки местных выборных органов. Большевики в начале своего правления, выступая за передачу власти Советам, фактически развивали логику советской формы самоуправления. Однако полагаясь на партийное руководство, они сохраняли централизованный контроль, проводя кадровую политику, при которой ключевые должности занимали проверенные партийцы. Всё это было попыткой синтезировать идеи о местном самоуправлении с принципами строгого контроля партии, и здесь тоже можно усмотреть влияние дореволюционных дискуссий. Многие правоведы конца XIX – начала XX века отмечали, что любые формы децентрализации должны сопровождаться ответственностью местной власти перед центром, а также подконтрольностью в финансовых вопросах. В советской системе это видоизменилось, а главной опорой стало партийное

руководство. Тем не менее, сама идея распределения компетенций по территориальному признаку, которую большевики развивали и декларировали в начале, имела дореволюционную основу.

Крайне важным рубежом в построении советского территориального устройства стал период гражданской войны и образования военных союзов, когда речь шла о выстраивании системы управления на моменты, когда большевики ещё не контролировали всю территорию бывшей империи [Платонов, 2023]. Здесь проявился существенный факт: без определённой правовой теории, без научно обоснованных представлений о том, как должна функционировать власть в регионе, а как – в центре, трудно было добиться управляемости огромной страной, переживающей распад. Дореволюционные концепции, подчас неявно и опосредованно, подсказывали общие конструктивные схемы и принципы создания новых властных институций. Нередко инструменты правового регулирования заимствовались напрямую из старого законодательства и лишь переименовывались в духе новой идеологии. Особенно это касалось вопросов документирования, администрирования и использования канцелярского аппарата. Тем самым обнаруживается, что переход от империи к Советскому государству не был полным разрывом традиций, а скорее переформатированием того, что уже существовало, с примесью революционной идеологии и лозунгов.

Определённую роль сыграл и теоретический анализ европейских образцов, которым занимались дореволюционные юристы, внимательно изучавшие, к примеру, конституционные системы Германии, Австрии и даже Швейцарии [Александров, 2021]. Подобные сравнительные исследования приводили к выводу, что многонациональное образование может существовать в виде федерации или конфедерации, если устраивается правовая основа для соблюдения интересов представителей разных народов. Тот факт, что лидеры большевиков ещё до революции знали об этих опытах и использовали дореволюционные книги либо законопроекты, говорит о том, что они в какой-то мере основывали свои решения на старой научной базе. При этом советская власть в итоге создала уникальную форму национально-территориальной федерации, где роль компартии была доминирующей, но формально существовал Союз советских республик со своей иерархией конституций. Многие дореволюционные правоведы, изучая зарубежные примеры, критически осмыслили их применимость к российским условиям, утверждая, что исторические и культурные отличия России слишком велики, чтобы механически переносить западные схемы. Этот же тезис часто повторяли и большевики, защищая особый путь советской государственности.

В контексте изучения влияния дореволюционной правовой науки на советскую систему немалую роль играла полемика между сторонниками строгой централизации и административными поборниками региональной самостоятельности [Сырых, 2023]. Ещё со времён принципов народоуправства, изложенных в некоторых либеральных трактатах о местном самоуправлении, существовало убеждение, что территориальные образования должны иметь не просто формальную, но и реальную автономию в управленческих вопросах. Однако царский строй крайне ограничивал эти возможности, оставляя главные рычаги в руках монарха и его назначаемого бюрократического аппарата. Для большевиков центральная власть обрела ещё более идеологическое значение, ведь именно партия ставила перед собой задачу указывать направление развития как сельским, так и промышленным районам, а также национальным республикам. Тем не менее, идеи дифференцированного подхода к регионам, сформированные правоведом дореволюционной эпохи, дали теоретические предпосылки к созданию структур,

формально учитывающих особенности каждого субъекта федерации. Впоследствии, в ходе развития СССР, они преобразались под влиянием партийной доктрины, но их корни оставались связаны с дореволюционной российской правовой мыслью.

Отдельно следует сказать о роли юристов, работавших в переходный период, когда одни кадры из старой системы соглашались перейти на сторону новой власти, а другие – уезжали из страны [Максимова, 2023]. Некоторые дореволюционные профессора продолжали преподавать в вузах Советской России или же участвовали в составлении правовых документов. Их вклад нередко умалчивался официальной историографией, но именно они привносили в законодательство и в проекты советских конституций положения, основанные на классических теориях права. Наблюдение за судебной практикой, изучение германского законодательства, знание особенностей государств Восточной Европы – всё это переносилось в цитадель советской власти тогда, когда необходимо было формулировать правовые нормы, касающиеся административного деления. Без этого фундамента оформить законодательным путём огромную, неоднородную территорию, населённую множеством народов, было бы гораздо сложнее. Поскольку в стране продолжались политические репрессии и поиски «врагов в народа», дореволюционные юристы, по понятным причинам, предпочитали оставить как можно меньше следов своего участия, но влияние их теоретического багажа на советскую правовую систему не подлежит сомнению.

Юридическое наследие XIX – начала XX века также касалось вопроса о правах разных сословий, что имело отголоски в масштабном социальном эксперименте большевиков [Шульженко, 2022]. Старое законодательство всё ещё содержало немало положений, которые распределяли права и обязанности по сословному признаку. Большевики, отменив сословия, должны были выработать единые правила для всех граждан, что потребовало уточнения правовых норм о земле, имуществе, браке, семейных взаимоотношениях. И хотя это далеко выходит за рамки чисто территориального устройства, роль антисословных идей, развившихся в дореволюционной правовой среде, способствовала подготовке к восприятию более уравнительных принципов при Советской власти. Ведь значительная часть дореволюционных юристов и либеральное дворянство ещё до революции говорили о том, что классовое или сословное неравенство тормозит развитие страны экономически и политически. Воззрения, которые формировались в университетских кругах, помогали создать атмосферу, благоприятную для широких реформ, и большевики вписали их в свой политический проект, сделав акцент на равенстве всех трудящихся и на устранении привилегий.

Особую страницу в истории советского государственного устройства заняло так называемое «национально-культурная автономия», которая в дореволюционных правовых исследованиях обсуждалась как одна из возможных форм решения этнического вопроса [Мамишева, Чеботарева, 2023]. Сущность этой концепции заключалась в том, что нация может существовать не только на конкретной территории, но и в культурном пространстве, имея собственные школы, газеты, издательства, творческие союзы. В Российской империи такие идеи звучали в либеральных кругах, когда юристы пытались найти вариант соглашения между центральной властью и национальными меньшинствами, не ущемляя последние в правах, но и не разрушая самодержавия. Большевики вскоре подхватили эти подходы, уже через призму марксистской теории, согласно которой каждая нация имеет право на самоопределение, вплоть до отделения. Фактически же национально-культурная автономия обусловила новую форму интеграции различных народов, которые получили определённые права в сфере языка, культуры, но при

этом оставались в пределах советской республики. Юридически это закреплялось не без помощи трудов тех учёных, кто ещё до революции искал компромисс между монолитностью государства и разнообразием его народов. Конечно, коммунистическая идеология придавала всему своеобразное идейное обоснование, фокусируясь на «пролетарском интернационализме», но правовая оболочка имела очевидные дореволюционные корни.

Нужно также помнить, что в дореволюционной России были разработаны законодательные акты и нормы, касающиеся промышленного развития регионов. В том числе создавался правовой режим, стимулировавший строительство железных дорог, фабрик и иных крупных предприятий на периферии для сглаживания разрыва между столицей и отдалёнными губерниями [Плетников, 2020]. Исследователи царской эпохи подчёркивали, что такая политика требует юридических механизмов налоговых льгот, разветвлённого контроля и субсидирования, что помогает выравнять экономические условия в разных уголках огромного государства. Это послужило прообразом для советской индустриализации, которая, хотя и проводилась в ещё более жёстком, централизованном режиме, всё же включала понимание разного положения регионов. Законопроекты, появившиеся в начале XX века, закладывали идею о необходимости учёта местных экономических особенностей при организации фабрично-заводского законодательства. В Советском Союзе темы распределения промышленных ресурсов, размещения производственных сил и развития инфраструктуры также были воплощены через центральные планы, но при этом разбивка страны на экономические районы учитывала наработанный дореволюционной правовой мыслью подход к пространственному планированию.

Развивая далее тему роли дореволюционного наследия, стоит упомянуть, что ещё до революции юристы активно сопоставляли имперские практики управления окраинами с опытом колониальных держав Запада, стараясь понять, какими методами достигается лояльность народов к центру [Ковалева, 2020]. Многие исследователи претили на теорию «просвещённого патернализма», когда центральная власть обеспечивает социальное и культурное развитие местной элиты, не подавляя при этом зарождающийся местный суверенитет. В СССР формально провозглашалась равноправность народов, а идея подавления кого-либо по национальному признаку была объявлена буржуазным пережитком. Однако методы партийного руководства на деле предполагали политическую однообразность везде, где находились советские органы власти, хотя в сфере культуры сохранялась некоторая вариативность. Парадоксальным образом это сочетало революционную риторику самоопределения с методами, известными ещё в имперский период: предоставлять нациям возможность культурного роста, но держать под контроль ключевые механизмы власти и экономики. В сочетании с инновационными подходами к пропаганде и политическому надзору всё это образовывало специфическую форму «культурной модернизации», которую иногда интерпретируют как модернизированную версию монархического патернализма.

Заключение

Таким образом, дореволюционная правовая теория не была отброшена целиком вследствие Октябрьской революции, а в значительной мере повлияла на формирование советских моделей национально-территориальной федерации, регионального управления и местного самоуправления [Скоробогатов, 2021]. Большевицкая власть, несмотря на все декларации об

историческом разрыве и начале новой эпохи, вынуждена была учитывать реальную политическую и экономическую практику, унаследованную от Российской империи, чтобы создать работоспособную систему управления страной. Эти взаимодействия отражаются в законодательстве, конституционных проектах, а также в деятельности комиссий, работавших над правовой базой в 1920–1930-х годах. Влияние древних дискуссий о местном самоуправлении, федерализации и о правах народов вбирало в себя и дореволюционные идеи, и новую марксистскую философию, в результате чего получилось уникальное сочетание, придававшее характерный облик ранней советской государственности.

Тщательный анализ показывает, что нельзя рассматривать советское государственное строительство исключительно как полную противоположность старому режиму. Часто большевики применяли уже готовые схемы, создавая лишь новую идеологическую оболочку и прибегая к новым формам политического контроля. История формирования органов власти серьёзно опиралась на опыт империи и выводы дореволюционной юридической науки. Этот опыт помог упорядочить взаимоотношения между центром и регионами и оформить федеративное устройство СССР так, чтобы придать ему легитимный вид в глазах граждан и международного сообщества. В конечном итоге дореволюционная правовая теория стала одним из мостов, позволивших Российской империи трансформироваться в социалистическое многонациональное государство, действовавшее под эгидой новой идеологии, однако продолжавшее использовать старые правовые наработки во благо укрепления собственной власти.

Библиография

1. Скоробогатов А.В. Генезис советской правовой доктрины // Российское право онлайн. 2021. № 3. С. 21–26.
2. Платонов А.П. Развитие взглядов о сущности функций государства в дореволюционном российском правоповедении // История государства и права. 2023. № 3. С. 30–37.
3. Ящук Т.Ф. Форма государства в историко-правовых исследованиях советского периода // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 3. С. 20–33.
4. Мамишева З.А., Чеботарева И.Ю. Сближение советской теории права с юридическим позитивизмом // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 100-3. С. 91–93.
5. Александров С.А. Становление методологии теоретико-правовых исследований в работах дореволюционных правоведов // Гражданское общество в России и за рубежом. 2021. № 1. С. 41–43.
6. Сырых В.М. Об истории советского государства - достоверно, обоснованно и теоретично // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 26–33.
7. Устарханова Д.Т. Особенности развития законодательных актов советского периода // Закон и право. 2024. № 1. С. 29–32.
8. Плетников В.С. Формирование модели общенародного государства в советском конституционализме // Genesis: исторические исследования. 2020. № 7. С. 25–38.
9. Плетников В.С. Модель советского государства и эволюция конституционного строя: институциональный подход // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 4 (32). С. 21–25.
10. Бакирова Д.М. Эволюция теории юридических фактов в дореволюционной правовой науке // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 614–617.
11. Ковалева В.В. Эволюция принципов правового регулирования как отражение трансформации общества XXI века // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 170–172.
12. Данилевская И.Л. Правительственная, административная власть в науке русского государственного права (1905 г. - октябрь 1917 г.) // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 6. С. 21–27.
13. Максимова О.Д. Концептуальная разработка понятия закона как основного источника советского права в 1920–1930-е годы // История государства и права. 2023. № 9. С. 35–39.
14. Григорьев А.В. Некоторые тенденции в развитии юридической науки и законодательства в 1917–1930-х гг. XX в. // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2021. № 2 (42). С. 53–57.
15. Шульженко Ю.Л. Учебник советского государственного права под редакцией А.Я. Вышинского 1938 г. // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т. 17. № 1. С. 77–99.

The Influence of Pre-Revolutionary Legal Theory on the Development of the Soviet State's Territorial Structure

Pavel A. Cherkashin

Researcher,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
125993, 8, Zoï and Alexandra Kosmodemyanskikh str.,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: cherkashin2140@mail.ru

Abstract

This study examines the continuity in state-building, specifically the influence of pre-revolutionary Russian legal thought on the formation of the Soviet state's territorial structure during its first decades. The author aims to identify the specific mechanisms and aspects of borrowing and adapting theoretical frameworks from the imperial period by Bolshevik leadership. Despite revolutionary rhetoric advocating a complete break with the past, the work demonstrates that Soviet authorities could not ignore the legal expertise accumulated before 1917 when addressing practical governance challenges in a vast and heterogeneous country. The focus lies on issues of national-state structure, federalism, regional autonomy, and local self-government. The author meticulously analyzes how ideas of pre-revolutionary jurists concerning decentralization, central-regional relations, legislative autonomy, and cultural rights of peoples were transformed under the new ideology. Continuity is traced in constitutional projects from 1918 onward, particularly in declarations of peoples' self-determination rights alongside the establishment of a rigid centralized governance system. The study reveals that practical solutions for managing imperial borderlands (e.g., special statuses of Finland, Poland, and governorates) laid the groundwork for the Soviet model of national-territorial autonomy. Methodologically, the research employs comparative legal and historical-legal approaches to identify direct and indirect borrowings of legal constructs, emphasizing transitional-period jurists who preserved knowledge of imperial legislation. The results show that while criticizing the "old regime," the Bolsheviks extensively utilized its legal toolkit. Concepts like *zemstvo* self-government, "legislative decentralization," "national-cultural autonomy," and regional economic development frameworks were reinterpreted and integrated into the Soviet system. Pre-revolutionary theory influenced the structure of local Soviets, USSR federal principles, governance methods in national republics, and economic zoning approaches. The author concludes that pre-revolutionary legal doctrine served as a critical bridge ensuring governance continuity and legitimizing the new regime despite radical ideological shifts.

For citation

Cherkashin P.A. (2025) Vliyaniye dorevolyutsionnoy pravovoy teorii na razrabotku territorial'nogo ustroystva Sovetskogo gosudarstva [The Influence of Pre-Revolutionary Legal Theory on the Development of the Soviet State's Territorial Structure]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (4A), pp. 7-16.

Keywords

Legal continuity, territorial structure, Soviet state, Russian Empire, federalism.

References

1. Skorobogatov A.V. The genesis of the Soviet legal doctrine // Russian law online. 2021. No. 3. pp. 21-26.
2. Platonov A.P. The development of views on the essence of the functions of the state in pre-revolutionary Russian jurisprudence // History of the State and law. 2023. No. 3. pp. 30-37.
3. Yaschuk T.F. The form of the state in historical and legal studies of the Soviet period // Law enforcement. 2021. Vol. 5. No. 3. pp. 20-33.
4. Mamisheva Z.A., Chebotareva I.Yu. The convergence of the Soviet theory of law with legal positivism // Trends in the development of science and education. 2023. No. 100-3. pp. 91-93.
5. Alexandrov S.A. The formation of the methodology of theoretical and legal research in the works of pre-revolutionary jurists // Civil society in Russia and abroad. 2021. No. 1. pp. 41-43.
6. Syrykh V.M. About the history of the Soviet state - reliably, reasonably and theoretically // North Caucasian Law Bulletin. 2023. No. 1. pp. 26-33.
7. Ustarkhanova D.T. Features of the development of legislative acts of the Soviet period // Law and Law. 2024. No. 1. pp. 29-32.
8. Pletnikov V.S. Formation of a model of the national state in Soviet constitutionalism // Genesis: historical research. 2020. No. 7. pp. 25-38.
9. Pletnikov V.S. The model of the Soviet state and the evolution of the constitutional system: an institutional approach // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4 (32). pp. 21-25.
10. Bakirova D.M. Evolution of the theory of legal facts in pre-revolutionary legal science // Legal technology. 2023. No. 17. pp. 614-617.
11. Kovaleva V.V. The evolution of the principles of legal regulation as a reflection of the transformation of society in the 21st century. 2020. No. 14. pp. 170-172.
12. Danilevskaya I.L. Governmental and administrative power in the science of Russian state law (1905 - October 1917) // Legal science: history and modernity. 2022. No. 6. pp. 21-27.
13. Maksimova O.D. Conceptual development of the concept of law as the main source of Soviet law in the 1920s and 1930s // History of the state and law. 2023. No. 9. pp. 35-39.
14. Grigoriev A.V. Some trends in the development of legal science and legislation in the 1917-1930s of the twentieth century // Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. 2021. No. 2 (42). pp. 53-57.
15. Shulzhenko Yu.L. Textbook of Soviet State Law edited by A.Ya. Vyshinsky in 1938 // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 17. No. 1. pp. 77-99.